

ОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ЯЗЫКОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Аннотация: Термином «языковая рефлексия» в лингвистике обозначаются не только ментальные мета-языковые операции, но и их вербализация в речи. Вербализованная рефлексия позволяет рассмотреть связи ментально-языковой деятельности человека с другими областями социальной жизни человека. Имена собственные, будучи фактами языка, также могут выступать в качестве рефлексивов.

Ключевые слова: языковая рефлексия, оценка и осмысление фактов языка и речи, имена собственные.

Semenova Viktoriya Ilyinichna
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

PROPER NAMES VOKABULARY AND LANGUAGE REFLECTION

Abstract: The term «language reflection» in linguistics denotes not only mental metalanguage operations, but also their verbalization in speech. Verbalized reflection allows us to examine the connections between the person's mental and linguistic activity with other areas of a person's social life. Proper names, being language facts, can also act as reflections.

Keywords: language reflection, evaluation and comprehension of the facts of language and speech, proper names.

В лингвистике терминологическое сочетание «языковая (метаязыковая) рефлексия» понимается как деятельность сознания, индивидуальная или коллективная, направленная на осмысление фактов языка и речи. Фиксация внимания на семантически и аксиологически значимых языковых единицах в той или иной степени свойственна каждому человеку. Другими словами, каждому носителю языка в той или иной степени свойственна языковая рефлексия.

Исследователи разграничивают ментальный процесс, сопровождающий порождение текста (имплицитную рефлексивную), и вербализованную рефлексивную (эксплицитную), которую мы непосредственно наблюдаем в речи. Это два взаимосвязанных явления. Деятельность языкового сознания заключается в сравнении одного языкового объекта с каким-то другим, придании языковому объекту признака или оценки, тем самым формирования метаязыкового суждения. Словесное оформление подобных суждений реализуется в виде метаязыковых контекстов или рефлексивов. Таким образом, рефлексивы – это высказывания, в которых факт языка или речи получает метаязыковую оценку. «Понятия "метаязыковое суждение" (с одной стороны) и "метаязыковой контекст", "рефлексив" (с другой стороны) соотносятся как означаемое и означающее, план содержания и план выражения. Метаязыковое суждение является значением (содержанием) метаязыкового комментария и может носить как вербализованный, так и имплицитный характер» [Шумарина, 2011, с. 3].

Исследователи пытаются осмыслить феномен метаязыковой рефлексии, определить его сущность, причины возникновения, условия протекания и др. Так, определяя параметры уровней и планов проявленности метаязыкового отношения к языку, авторы коллективной монографии «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» отмечают, что «наиболее "метаязыковым" для стихийного языкового сознания является лексический уровень. Слово во многих языках выступает как центральная единица, с которой часто отождествляется весь язык. Номинативные единицы, обозначающие "слово" и "речь", в естественных языках нередко синонимизируются. Особенно часто подвергаются метаязыковым рефлексиям слова в статусе имени, то есть слова как инструмента номинативной функции» [2009, I, с. 12].

Собственные имена не исключение. Напротив, известно, что они в первую очередь реагируют на общественное языковое сознание. По справедливому замечанию Е.Л. Березович, ономастика всегда была и остается той языковой сферой, которая в наибольшей степени привлекает к себе внимание людей; индивидуальность имени собственного вводит человека в особые «приватные» отношения с ним [2000, с. 39]. Другими словами, лингворефлексия на имена собственные возникает чаще, чем на имена нарицательные. Нередко приходится сталкиваться с ситуациями, когда наивные пользователи языка неверно объясняют происхождение тех или иных онимов. Известен пример толкования топонима *Царское Село*. В начале XVIII века, когда Петр I завоевал Ингерманландию, на этом месте находилась финская деревенька

Саари-моис 'верхняя мыза'. Когда Петр подарил деревеньку с окружавшим ее лесом своей супруге Екатерине, и построил здесь деревянный дворец со скотным двором и птичником, местность стала называться селом *Саарским*. Впоследствии и Елизавета Петровна, и Екатерина II часто жили в Саарском Селе и много сделали для украшения дворца и парка. Рядом с дворцовыми постройками стали возникать обывательские дома, и местечко отчасти по созвучию, отчасти вследствие пребывания в нем Двора стало называться *Царским Селом*.

Людам, далеким от филологии, от лингвистики, довольно сложно проводить наблюдения за фонетическими процессами и выявлять функции отдельных единиц этого уровня. Поэтому обыденному рефлексированию подвергаются лишь отдельные поверхностные проявления фонационной деятельности (типа неправильного произношения отдельных звуков, слогов). Особенно часто факты подобной народной этимологии наблюдаются при толковании заимствованных онимов, апеллятивные основы которых обнаруживаются в другом языке. Подобные факты приводил еще М.Н. Мельхеев: «Наблюдается явление ложной этимологии – переосмысливания русскими некоторых бурятских или иных нерусских названий, близких по звучанию какому-нибудь русскому слову. Так, например, бурятский улус Шоно в Ольхонском районе, населенный бурятами шоно-род (род «волка»), стал именоваться «Чернород», а теперь во всех официальных источниках именуется «Черноруд», т.е. от слов «черная руда» (абсурдное искажение действительности). Другие примеры: урочище Бороота («дождливый») – Ворота, озеро Биракуль – «бери куль», «дескать, в озере много рыбы», река Лена – от слова «ленивый», река Мука – «мучение», река Кут – «кутить», устье Аман – «Яман», город Братск от слова «брат», а не «бурят», город Зима – «зима», село Хомутово – «хомут», село Балаганск – «балаган» и т.д. Такие искажения смысла топонима недопустимы [Мельхеев, 1995, с. 58-59].

К народной этимологии склонны не только наивные пользователи языком, начиная с детей, но и авторитетные специалисты. И сам М.Н. Мельхеев возводит название мыса и населенного пункта на острове Ольхон *Онгурен* к бурятскому слову *үнгэрээ* 'кончилось, закончилось, иссякло'. По преданию, «когда предки ольхонских бурят, перекочевывая с Эхирита, расселялись по берегу Байкала, то путь на север им преградили горы, подступившие к берегу. Тогда буряты воскликнули: *Зам үнгэрөө* 'дорога иссякла, кончилась' [Мельхеев, 1969, с. 128]. Нам представляется более достоверной версия, предложенная Е.В. Сундуевой, которая возводит этимологию топонима к древнему образному корню *ongq/ongg 'высокий, возвышающийся' [Сундуева, 2010, с. 32-33].

Кажущаяся легкость интерпретации семантики внутренней формы, доверчивое отношение к ней носителей языка рождает массовую мифологию, начиная с отдельных фактов народной этимологии и кончая мифами, связывающими имя вещи и ее суть. Так, к примеру, толкуют происхождение топонима *Зима*, возводимого к бурятскому слову *зэмэ* 'вина, проступок, преступление', в доказательство указывая на наличие вблизи города мест заключения преступников. При этом, упуская из виду, что образование топонимов от подобных апеллятивов совершенно не характерно для бурятской топонимики.

В рефлексивной деятельности обычных носителей языка особенно часто актуализируется явление внутренней формы слова. Ситуации, приводящие к необходимости осмысления онима из других внутренних или внешних потребностей, наблюдаются в литературных произведениях, когда толкование наименования переплетается с описанием денотата. Такие случаи могут носить характер художественного приема и намеренно акцентироваться в художественном произведении. Данное метаязыковое осмысление обусловлено, прежде всего, влиянием внутренней формы имени: персонажи Н.В. Гоголя *Ляпкин-Тяпкин*, *Коробочка*; у В. Тулаева – *Архидадурлукхыева Хатуу-Хандама Дүшэнградусовна*. С.В. Шойбонова и Л.В. Шулунова отмечают, что сатирический эффект художественного произведения, помимо использования разных выразительных средств, часто достигается строго продуманной системой именования персонажей [2004, с. 128-129].

В последнее время наблюдаются активные проявления творческой рефлексии в области эргонимии. Нередко встречаются «говорящие» названия магазинов, кафе и других заведений сферы общественных услуг: магазин буддийских аксессуаров *Хии морин* от хии морин 'ритуальный флажок, букв. воздушный конь', бутик модной одежды *Девчата (если ты гламурный, то тебе сюда)*, лавка газет *Будь в курсе событий*; магазин бытовой химии *Шик и блеск*; магазин товаров для охоты и рыбалки: *Снасти и страсти*, мастерская *На все руки*; магазин хозяйственных товаров *Домовенок*, закусочная *Кусни*, магазин тканей *Рукодельница* и т.д.

Сознательность создания подобных эргонимов стимулирует креативную деятельность, нацеленность на языковую игру, подчеркнутую графикой. Например, название парикмахерской *ОчИрровашка*. На первый взгляд в названии допущена ошибка, однако, название оформлено так не случайно – фамилия владельца за-

ведения *Очиров*. Название продуктового магазина *ЧайкоФский* – полагаем, что название происходит от слов *чай и кофе*. Название кафе *КОрмилита*, очевидно, мотивировано словом *кормить*. Магазин *триКОТАж*; название сопровождается изображением трех котят. Языковая игра осуществляется и при оформлении русскоязычного слова иноязычной графикой: название шиномонтажной мастерской: *Sto koles*.

В тексте любого стиля и жанра графическое выделение практически всегда свидетельствует о том, что выделенный фрагмент был осознан автором как важный в смысловом отношении. Дело в том, что всякое графическое выделение осуществляется не непосредственно при порождении высказывания, а в процессе самоконтроля и коррекции речи: автор оценивает текст с позиции читающего и принимает решение о графическом выделении тех или иных фрагментов – выделяет подчеркиванием, цветом, шрифтом и др. Особенности «метаязыковой семантики» различных способов графического выделения описывались различными исследователями. Справедливым представляется следующее замечание: «Автор специальным маркером отмечает сам факт рефлексии, обдумывая уместность выбора номинации, предоставляя адресату возможность соучаствовать в процессе оценки выбора, вовлекая его в процесс порождения текста» [Пчелинцева, 2006, с. 70]. Графическое выделение является для читателя сигналом о том, что слово «необычно», однако информацию о характере данной «необычности» читатель должен выводить самостоятельно. Поэтому имплицитный метаязыковой комментарий в подобных случаях складывается из двух составляющих: собственно авторской импликации (Обратите внимание: это слово необычно) и вывода, которое формулирует читатель с опорой на общее содержание текста, на предмет изображения.

Как уже отмечалось выше, каждому носителю языка свойственна языковая рефлексия, но парадокс в том, что рядовой носитель языка «не знает», «не осознает», что он участвует в рефлексивном процессе. Он может оценить языковую игру (интертекстуальность), юмор, умение использовать образные и стилистические средства и др. Р.О. Якобсон, давая оценку металингвистической функции языка, пишет: «...метаязык – это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами; он играет важную роль в нашем повседневном языке. ... Мы пользуемся метаязыком, не осознавая метаязыкового характера наших операций. Если говорящему или слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом, то предметом речи становится сам код: речь выполняет здесь метаязыковую функцию [1975].»

Обыденное метаязыковое сознание как объект внимания лингвистов представляет собой сложную взаимосвязь явлений, объединяющих, с одной стороны, язык и сознание, с другой – обыденное языковое сознание и лингвистику как науку, а с третьей – ментально-языковую сферу с другими сферами социальной жизни человека, сопряженными с языковой деятельностью: образованием, принадлежностью к той или иной национально-культурной общности специальным использованием языка в различных сферах профессиональной деятельности и др.

Литература

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 532с.

Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск: ИГУ, 1995. 316 с.

Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бургомиз, 1969. 189 с.

Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч 1. Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово; Барнаул, 2009. 400 с.

Пчелинцева М.А. Метаязыковая рефлексия над языком революции в творчестве русских писателей-эмигрантов 1-й волны // Прогрессивные технологии в обучении и производстве: материалы IV Всерос. конф., г. Камышин, 18-20 октября 2006 г.: в 4 т. Волгоград: РПК «Политехник», 2006. Т. 4. С. 67-72.

Сундуева Е.В. Топонимия Ольхона и Приольхонья (семантика онимических основ): монография. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 128 с.

Шойбонова С.В., Шулунова Л.В. Ономастикон художественного произведения: монография. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2004. 191 с.

Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 328 с.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://plr.iling-ran.ru/upload/book_files/roman_yakobson.pdf (дата обращения 02.04.2018).